

КРОШКА

ПОВЕСТЬ

ОРХАН КЕМАЛЬ

Перевел с турецкого С. Гикифороз
Рисунки И. Блюха

III

На следующий день к трем часам Айтен спустилась от Махмутпаша в Тахтакале мимо разноголосого шума пестрых зеленых, желтых и фиолетовых рядов ремесленников. Тетка Пакизе сидела в лавке торговца орехами и курила сигарету.

— Что ты так долго, дочка?

— Разве вы не сказали — к трем часам? — удивилась Айтен.

Мордастый, с черной жесткой щетиной лавочник посмотрел на часы и примирительно сказал:

— Точно вовремя, не сердись!..

Лучи солнца, проникая в лавку, перебежали зайчиками по мешкам в углу. Однако Айтен не замечала солнца, не слышала разговора, который шел за матовым стеклом перегородки, разделявшей лавку на две части. «Тоже мне, «долго»! Сказано в три — в три и пришла, чего еще?..»

А по ту сторону перегородки щекастый небритый лавочник, приоткрыв крышку зеленой кассы, торговался с теткой Пакизе:

— Ну, договорились?

— Нет, не пойдет, ей-богу, не пойдет. К тому же вас двое. С каждого по тридцатке, всего шестьдесят — тогда согласна. Девочке тоже дадите, сколько найдете нужным.

— А сколько нужно?

— Сколько дадите — столько и ладно.

— А как поймет, что нас двое, не откажется?

— Да нет, милый, глупенькая она.

— Ну хорошо, сколько?

— Накормите, напоите, ну и дадите по десятке, хауат с нее. Довольна будет.

— А ты, значит, шестьдесят требуешь?

— И только для тебя, милый. А то вот, ей-богу, дешевле, чем по пятьдесят, не сходно. Она ведь не одна, у нее тетка есть: если бы не я, и ноги

бы ее тут не было. Да еще, знаешь, ведь она помолвлена...

Айтен, все еще переживая обиду, не взглянула даже на деревенского парня приказчика, который служил в лавке. Если бы видела, как он пожирает ее глазами, то, наверное, догадалась бы, о чем думает этот черноглазый парень с такими длинными ресницами.

А он думал о том, как хорошо было бы познакомиться с такой вот девушкой, обручиться с ней, взять ее в жены. Еще в первый раз она ему очень понравилась, особенно глаза. Глаза ее смотрели совсем по-детски и словно бы улыбались. Розно подрезанная челка, только начавшая оформляться девичья грудь, стройные ноги... С ней бы не спать, а играть в прятки, в камешки или в пятнашки, есть хлеб с сыром и зеленым луком в густой прохладной тени огромных, закрывающих солнце деревьев, а потом вволю пить жгучую ключевую воду.

Мысли юноши прервал голос торговца:

— Смотри, не уходи из лавки. Если не вернусь до семи — закрывай.

— Хорошо, хозяин, — ответил парень и, присев на мешок, долго смотрел вслед выскочившей из лавки девушке, которая вместе с небритым и теткой Пакизе направилась в сторону Мысырчаршысы¹.

Около ворот Эминоню тетка Пакизе оставила девушку и торговца одних. Он крепко взял Айтен за руку, словно боялся, что она сбежит, упорхнет, как птичка.

Сели в такси. Повеселевший шофер спросил:

— Куда?

Небритый назвал отель на Босфоре.

Через опущенное наполовину стекло Айтен смотрела на улицу. Мимо катился поток трамваев, долмушей², автобусов, бежали люди. Шофер вел такси с поразительной скоростью, ловко лавируя в этом потоке.

Незаметно, как-то вдруг, въехали в другой, неизвестный и незнакомый Айтен Стамбул, где почти никогда не видевшие солнца улицы были стиснуты с обеих сторон высокими, большими домами. Затем появился второй, потом третий, совершенно отличный от предыдущих Стамбул. Поднимая тучи пыли, машина промчалась мимо высоких белых стен, нырнула под каменные почерневшие арки и выбежала на залитый солнцем берег акварельно-синего моря, которое сливалось с голубым чистым небом... Все это очень нравилось Айтен: сидеть в машине — ветер из полуоткрытого окна шевелит волосы, — любоваться на глазах меняющимся городом, чувствовать себя настолько взрослой, чтобы ехать в совершенно незнакомый отель где-то на Босфоре... Если бы рядом был не этот, с жесткой щетиной и лохматыми бровями, человек, а Эрол, ее Эрол, Айтен была бы совсем счастлива.

Пусть даже все то, что говорила тетка Пакизе тогда на морском берегу, было правдой — все равно без Эрала этот беспрерывно меняющийся Стамбул казался не таким уж прекрасным. Да разве могла она забыть ту ночь, когда хлопьями валил снег, а они, тесно прижавшись друг к другу, стояли в сарае; забыть, что сказал ей Эрол, смахнув своей жесткой ладонью слезы, катившиеся по ее щекам! Что бы ни толковала старуха, придет день — и Эрол пошлет свою мать, чтобы просить руки Айтен. Эрол непохож на других, он не мог солгать, не мог обмануть. Если бы она поверила в то,

¹ Мысырчаршысы — крытый рынок в Стамбуле.

² Долмуш — маршрутное такси.

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 5 за 1961 год.

что Эрол умеет лгать и обманывать, то, может быть, и сама...

Резко затормозив, машина остановилась перед размазанной железной дверью. Поток мыслей Айтен оборвался. Перед ними был увитый зеленью, с желтыми ставнями, отель. Пройдя по узким скрипучим половицам коридора, по обе стороны которого рядами стояли цветы, и поднявшись по невысокой, в несколько ступенек, каменной лестнице, через желтую дверь с голубыми стеклами вошли в полутемный холл. Мрачная тишина, подозрительное безлюдье. Миновали холл. По чисто вымытой лестнице поднялись в маленькую гостиную и попали наконец в комнату, где уже что-то говорило о присутствии людей. Круглый стол. На столе украшенный мелкой редиской салат. Рядом, на тарелке побольше, нарезанный маленькими ломтиками белый сыр. Еще на одной — соленые огурцы. Бутылки с красным вином. И за столом человек с острой лисьей мордочкой, с глазами в красных прожилках.

— Где это вы застряли?

Как и торговец орехами, этот человек сразу не понравился Айтен. Не понравился — а впрочем, какая разница? Что могло измениться?

Через распахнутое окно Айтен смотрела на море, на зеленую извилистую ленту высокого берега, на виллы под красной черепицей, на голубое небо. Если бы узнал Эрол, куда она пришла! К счастью, он ничего не знает. Хорошо и то, что не встретили никого из знакомых. А если бы встретили, как было однажды с албанкой Сабахат из их квартала... Чего только не говорили про эту Сабахат!.. Будто бы видели, как на одной из улиц в Бейоглу³ она входила в публичный дом. Однако она оправдалась — положив руку на коран, клялась и лгала. Хорошо что дело кончается клятвой на коране. И Айтен бы тоже дала клятву, если б понадобилось. Да не одну, а обе руки положила бы на коран!..

— Маленькая госпожа, видно, скучает с нами!

Обернулась. Говорил остролицый, напоминавший лису человек. Стараясь казаться веселой, возразила: «Ну что вы!» Возразить-то возразила, однако ей

³ Бейоглу — фешенебельный европеизированный район Стамбула.

и в самом деле было скучно. Чего ради она явилась сюда? Встать бы да уйти, чтобы больше уже никогда не ходить в такие места. Что ее принуждали, что ли?

В комнату вошла незнакомая, высокого роста, смуглая женщина. И она не понравилась Айтен. Весь ее вид говорил о распутстве. Пьяная, с жестким взглядом, лет тридцати пяти — может, немного поменьше, — она напоминала тетку Сюхелью — вечно растрепанную жену бакалейщика. Айтен ее не любила. Грубая и болтливая, она не упускала случая сунуть нос в книгу, где ее муж записывал товары, отпущенные в кредит, и кричала на молодых красивых женщин, которые им были должны. Тетя Айтен как-то сказала, что Сюхелья ревнует мужа, думает что эти женщины рассчитываются с ним не деньгами а кое-чем еще...

Айтен, словно откидывая волосы, встряхнула головой. Привычка. Забыла, что волосы на лбу подрезаны короткой челкой. Какое ей дело до возраста этой смуглой женщины, и к чему ее сравнивать с женой бакалейщика? Вишнево-красные губы, длинные, подведенные не в меру ресницы...

— А ну, давай-ка, сестрица... — предложили сидевшие за столом. — Твое здоровье!

Ничего не говоря, Айтен налила вина в высокий тонкий стакан. Чокнулись, выпили. Айтен не впервые пила вино. Частенько угощались с Эролом. И раньше, в прошлом году, с подружкой Семрой пили. Да еще как!.. От Семры давно не было вестей. Сбежала к какому-то голодранцу, моряку-сверхсрочнику. Словно в воду канула. То ли в Болу, то ли в Трабзон уехали вместе. Бедовая была девка. Она так управлялась со своими восемью возлюбленными, что никто из них и слыхом не слышал о существовании других.

Улыбнулась.

Смуглая женщина уставилась на мужчин. Она уже почти совсем опьянела. Глупая, может, и ее притащил сюда торговец орехами? Стоила ли, стоила ли она расходов?

Заметив взгляд Айтен, смуглая зашипела:

— Что ты на меня так смотришь, дочка, ты пей, пей!

— Кто, я? — помедлив, спросила Айтен.

— Нет, я!

Айтен отвернулась. «Тоже мне дочка! Чего ради! Моя мать не такая была!»

Словно в тумане, возникло перед ней сухое бледное лицо черноволосой женщины с голубой батиновой повязкой на лбу. Полуразвалившаяся землянка между деревьями с густой листвой; стоящий на коленях возле мутного арыка, захлебывающийся в безудержном кашле седой старик; выжженное горячим солнцем желтое кукурузное поле, крикливые черные вороны...

— Дочка, что у тебя в уме, большая забота что ли? О чем задумалась? — Смуглая женщина сердито нахмурила брови.

— Кто, я?

— Ах ты, господи, вот дура-то! Что ты сидишь, как соловей,

объевшийся тутовых ягод? Если ты шлюха, так и будь ею. Мы сюда не в игрушки играть пришли! Кроме «шлюхи», Айтен ничего не слышала. Стукнула кулачком по столу:

— Я не шлюха!..

— А кто же?

— Сама ты шлюха!

— Я?!

Смуглая резко перегнулась через стол. Загрели бутылки, попадали стаканы, тарелки... Раздалась хлесткая пощечина. Айтен покатила вместе со стулом. Пытаясь подняться, получила еще пинок. Не вмешайся мужчины — может, и конец бы ей пришел. Плача навзрыд, сквозь слезы, Айтен пригрозила:

— Вот скажу про тебя Эролу!..

Все остальное было словно в тумане. Кто-то за руку потащил ее в другую комнату. Кровать с жалобно ноющими пружинами, грязные простыни...

Когда проснулась, была уже ночь. Она лежала в постели совершенно нагая. Рядом храпел мужчина — не торговец орехами, а человек с лисьим лицом.

Айтен в страхе выскочила из постели. Собрала разбросанные там и сям розовые трусы, комбинацию, голубую сборчатую юбку, быстро оделась. Подошла к двери. Дверь была заперта. С испугом осмотрелась. В распахнутое настежь окно глядела светлая ночь; отливала синевой черные воды Босфора.

Тихонько опустилась на стул возле окна. Где же торговец орехами? Смуглая женщина? Их души чернее ада. Ох, если бы сейчас рядом был Эрол, положить бы голову ему на колени и плакать, плакать, плакать...

IV

Эрол был до смерти зол на капитана! Ведь он левый полузащитник — чего ж его ставить правым! Вот и дал в двух метрах от ворот свечу, прямую, как минарет. Если бы забил гол, матч закончился бы поражением «Атешспора» со счетом 2:1. Тогда бы сотня была обеспечена. Коли не сотня, так пятьдесят верных...

Подавая Эролу бывшую когда-то синей, выцветшую рубашку с перелицованным воротником, мать приговаривала:

— Ах, сынок. Ничего не сделаешь больше. Плохо ли, хорошо ли, надевай...

Взял. Печально посмотрела женщина на сына. К чему в конце концов придет этот парень? Целыми днями или сидит в кофейнях, или без конца гоняет свой мяч. Чем бегать за мячом, нашел бы какое-нибудь дело... И почему ему не работать? Шел бы на фабрику. На фабрике тоже есть мяч. Она почти каждый день видела одетых в красные майки спортсменов-рабочих из фабричного клуба. Время игры им засчитывалось как рабочие часы. Чего лучше?

Мать горько вздохнула. Плохо ли фабричным спортсменам? Играют в футбол, а зарплата идет... Здоровые, рослые... И девушки красивые у них есть. Веселые, полногрудые девушки, работающие весь день рядом с ними, бок о бок.

— А мне нравятся наши фабричные футболисты, Эрол!

— Что? — резко обернулся сын.

— Я говорю, наши футболисты...

— Ну и что?

— Нравятся они мне.

— Чем это?

Мать рассказала: «Оплата сдельная, однако два-три раза в неделю ребята в красных майках ходят играть в футбол. И отношения со всеми девушками у них хорошие. Если которой руку протянут, то не напрасно. А девушки красивые, славные. Особенно Муззез. У этой даже свой дом есть на две комнаты. Может быть, узнала, что она мать Эрала, или так просто, но целый день эта девушка вертится около нее: «Тетя, тетя». А почему бы ей и не знать, чей сын Эрол? Конечно, знает. Ведь спрашивала как-то, почему он не идет на фабрику. «Тут тоже в футбол играют, и заработок...»

Мать потупила глаза.

По теперешним временам жена с домом... Домовладельцы только и знают — поднимать квартирную плату, а о съемщиках позабываются некому. Раньше, говорят, аллах думал о бедных, а теперь... Теперь его рабы должны сами думать о себе. У девушки есть дом, да и собой хороша. Так что плохого в том, что она работает на табаке? Молодая, красивая, веселая. В субботу после гудка вымоется, приберется, подкрасит губы...

— От них так противно табаком пахнет, ну что я поделаю? — не выдержал Эрол.

— Противно? Табаком? Кто сказал?

— Кто сказал? Что я сам не знаю? Да от тебя даже...

— Ерунду ты мелешь! Человек вымоется, сменил одежду, и ничего-то не почувствуешь.

— Отстань!

Пожилая женщина с изжелта-бледным морщинистым лицом сняла очки. Не было толку в этом парне. Сколько ему ни доказывай... Сейчас наверняка снова пойдет к этой шлюхе Айтен. Каких только сплетен о ней не ходит! А тетка ее будто ослепла...

Хоть мать и знала, куда отправляется сын, все равно спросила:

— Ты куда идешь?

— А тебе что?

— Как это — мне что? Я разве тебе не мать?

Глаза ее наполнились слезами.

— Возмись ты за ум, сынок. Кто тебе поветует лучше матери!..

Эрол принужденно засмеялся. Надоело!

— Уж такой у вас там рай, да?

— Конечно, рай. Да, ты говорил, что получишь сто лир из клуба?

Эрол взорвался. До чего надоедливые люди бывают! Должен был, должен был получить. Да этот бессовестный капитан поставил его справа. Если б он не засветил в небо, попал в ворота, сотня была бы уже в кармане. А сейчас — какая там сотня! Сейчас его вряд ли возьмут даже левым защитником. Сказал же тренер, что теперь уж «когда на горе рак свистнет».

Встретившись глазами с выжидающим взглядом матери, Эрол еще больше вскипел:

— Получим!

— Когда?

Чуть-чуть не сказал: «Когда на горе рак свистнет», — но удержался.

— Ну, ты сейчас забудь про эту сотню, дай лучше мне два с полтиной.

Мать уже знала, что он будет просить. Два с полтиной, два с полтиной. С семи утра до семи вечера каждый день, без просвета, возится она в сухих табачных листьях. Много ли ей осталось жить? Работай, зарабатывай, давай... Работай, зарабатывай, давай... Когда умер муж, ей не было и тридцати. Легко могла бы выйти замуж еще раз.

Был бы свой угол, был бы муж, который приходил бы вечером домой, дыша водкой и табаком, однако — мало ли, много — с деньгами на хлеб. И он бы думал о пропитании, одежде, топливе и этой напасти — квартирной плате.

— Ну, что ты раздумываешь?

Вот ведь, дубина, целый день торчит по кофейням, бегаёт за распутными девками, вместо того чтоб подумать, как заработать на хлеб!

— Ну, чего ты тянешь, старая?..

— Чего тяну?

— Сказал же — два с полтиной...

— Нет у меня денег.

Эрол нахмурился.

— Нет! Ничего для меня нет! А еще говоришь, чтоб я с Айтеном не разговаривал!

Эрол знал: если порвать с Айтеном — дело вовсе запахнет голодом. Девушка сама с первого взгляда видела, когда он был на мели.

— Если возьмешься за ум, то на фабрике у нас еще и не такие Айтены есть.

— Ну вот, опять фабрика... Сказал: не хочу девок, пропахших табаком!..

— Правильно, гулящие в наше время лучше пахнут...

Так и не удалось Эролу ничего выпросить.

Пришел в кофейню, Алтындиш был уже там.

— Что нового?

Сплюнув сквозь зубы, Алтындиш ответил:

— Порядок...

— Монеты есть у тебя, монеты?

— У нас — не как у вас, у нас нет Айтена, сын мой!

Эрол рассмеялся:

— Стань человеком, пусть и у тебя будет, пес голодный!..

Вмешался сидевший за карточным столом Керис Ихан:

— А твоя-то снова была с этой старой воблой.

Заинтересованный, Эрол обернулся:

— Когда ты их видел?

— Полчаса назад на площади Баязит, выходили из долмуша...

Заговорил Алтындиш:

— Ну вот, тебе, левый полузащитник, девка твоя наверняка подработала! Иди, получи с нее, не теряя времени!

Резко обернувшись, Эрол вскипел:

— Смотри, ты...

— А что, благородство твое задето?

Улыбаясь подошел хозяин кофейни:

— Ну, как дела, Эрол?

— В порядке, Хасан-ага-бей...

Алтындиш дернул Хасана за руку:

— Не задерживай, Хасан-бей, пусть идет да считается со своей девицей.

Хозяин кофейни разразился смехом. Покрасневший Эрол качал головой:

— Вот ведь скоты, вот скоты!

Вконец разозлившись, Эрол вышел из кофейни. Вслед ему долго смеялись. Потом Хасан-бей серьезным голосом сказал:

— Говорят, она и в гостиницы на Босфоре ездила...

Алтындиш подтянул к себе табурет.

— Тогда она была еще сортом выше. А сейчас по Бейоглу с такими же, как сама, разгуливает. Сходи к мечети Агаджами, посмотри!..

Хозяин кофейни знал и отца и мать Айтена. Как-то раз чуть-чуть не подцепил ее, когда она ходила работать на табак. Как и дочь, она в молодости любила орешки... Гуляла направо и налево,

а сестра ее занималась сводничеством... Однажды в доках с Маметом из Болу... А потом возбудила дело. Парень женился.

— Да, — проговорил он, — это по наследству. Наследство не пропадает.

— Все это верно, — согласился Алтындиш, — правильно, однако что с нашим парнем происходит? Человек на распутные деньги...

— Да пусть его, Алтындиш!

— Ведь здоровый, дубина, словно медведь! Не мог бы разве работать на фабрике вместе со своей матерью?

— Правильно, да...

— Если футбол — так и там есть, к тому же и платят.

В разговор вмешались игравшие в карты:

— Видели мы в воскресенье на стадионе «Эйюп» его игру!

— Видели, вот уж насмотрелись...

— С двух метров в ворота не мог попасть!

— Ребенок пятилетний и то бы попал...

— Чего там ребенок — слепой бы забил, клянусь честью...

— Скотина, мажет по пустым воротам!..

— Там бы так это, слегка...

— И готово.

— Эх, капитан и рассвирепел тогда, — вставил Алтындиш, — как он ругался!

— Да, в команду его не возьмут теперь...

— В команду? Увидит он ее, как же, после дождичка в четверг.

— Лучше всего пусть переходит в «Атешспор».

— А что он там будет делать, этот чурбан, который с двух метров в пустые ворота гола не забивает?

Разговор продолжался до тех пор, пока не вернулся Эрол.

— Ну как, получил свою долю? — встретил его Алтындиш.

Раздался хохот. Эрол кивнул головой:

— Получил.

— Иди тогда на Мысырчаршысы да купи немного мужского достоинства...

Эрол с трудом выносил издевки, однако все было правдой. Улыбнувшись через силу, он присел на скамейку, спросил:

— Что они там болтают, Хасан-бей?

Хасан-бей, глядя на Эрола, думал о чем-то своем. Парень не вышел в отца. Того-то Хасан знал как свои пять пальцев. В одном квартале родились, вместе выросли, по очереди то били других, то сами получали. Крепкие руки имел покойный... И настоящим мужчиной был. Не то, что сын, который живет на деньги потаскухи. Каждый раз, когда приходил в пивную, смотрел, что с него причитается. Товарищей ни на грош не вводил в расход.

Хасан поднял глаза на Эрола:

— Да, вот что делается! А ведь отец твой был...

И принялся долго-долго рассказывать. Эрол опустил глаза. Он не в первый раз слышал о своем отце. О нем много говорили соседи. Слышал, однако...

Едва хозяин кофейни перешел на другую тему, Эрол оживился:

— Знаешь, Хасан-бей, дорожка у меня одна.

Мать тоже твердит все время: «Иди к нам на фабрику». Конечно, и там футбол есть, да...

— Есть, да не по тебе! — немедленно съязвил Алтындиш.

— Почему?

— Да ведь ты с двух метров мимо ворот lupишь.

— Я в нападении не играю, — начал оправды-

ваться Эрл, — я левый полузащитник. Понял, друг? А потом тоже, дали мне бутсы сорок пятого размера мяч в другую сторону летит!..

За карточным столом снова ухватились за эту тему:

— Ладно, ладно на бутсы сваливать. Ребенок и то бы забил!..

— Чего там ребенок, слепой забил бы!

Со всех сторон нападали со злыми насмешками. Эрл вздохнул, насупился:

— Ну что я мог сделать? Сами знаете, мяч круглый — кто его знает, куда полетит...

Алтындиш шикарным щелчком отбросил окуроч сигареты и продолжал:

— Знаем — мяч летит неведомо куда, девушка тоже...

Эрл поднялся с места:

— Замолчал бы ты, скот!

— Кто скот? Меня зовут Алтындиш, а не Эрл. У меня нет возлюбленной по имени Айтен, которая дарила бы мне рога!

— Какое мне дело до Айтен, что она, обручена со мной?

— Ну и что же, ты ей разве не друг?

— А для меня все равно, браток. Когда я пустой — она мне денег подбрасывает, а когда душа моя пожелает, так и сама идет ко мне в объятия. Чего еще?

— Ничего — торговля без капитала. Будь я на твоём месте, нашел бы еще парочку девиц, таких же, как Айтен, рассчитал бы эту старуху, сам бы начал коммерцию, эх!

Взрыв хохота прокатился в дымном полумраке кофейни.

— Глядишь бы, на собственной машине катался...

— На плечах костюм английской шерсти.

— На руке часы фирмы «Мовадо».

Как ошпаренный, вскочил Эрл с места:

— Да перестаньте же!

Он не стал даже пить чай. Вышел из кофейни.

Слыша за спиной издевательский хохот, сунул руки в карманы брюк, нервно зашагал к морскому берегу. Пересек железнодорожную линию. Он, конечно, бросит когда-нибудь эту распутницу, да не все сразу. Что касается футбола, то Эрл сказал парням из «Атешспора», что специально промазал — не хотел забивать им гол. Поверили. А то ведь и в самом деле каждый знает, что в пустые ворота тот мяч забил бы и пятилетний мальчишка!

На берегу Эрл вошел в летний кабачок под навесом, сел на низкую скамью. Собственно, это и не был кабачок. Старый рыбак Алеко продавал здесь зажаренную на углях пелаמידу. Потихоньку, только для знакомых, торговал вином.

— А ну-ка Алеко, сооружи!

Старый грек с впалыми щеками понимающе кивнул головой.

— Сейчас...

Из огромной пестро раскрашенной, но уже наполовину облезшей жестяной банки фирмы «Турьяг»⁴ старик достал жирную рыбку, взрезал привычными руками брюшко, разделал, швырнул внутренности сидевшим наготове кошкам, окровавленными руками разложил куски рыбы на решетке жаровни.

— Вина хочешь?

— Давай половинку...

И пока старый грек не поставил перед ним тарелку с жареной рыбой, приправленной мелко нарезанным красным луком и листочками дикой горчицы, Эрл все думал об отце. Всплывали в памяти мокрые рыбацкие сети, покрытое белыми пенистыми барашками, уходившее вдаль море, быстро темнеющее небо... Разве он виноват, что не может стать таким, как отец? Он очень много слышал о нем от матери... Видишь ли, не работает! А что ему осталось от отца? Может быть, дом, лавка, рыбацкая моторка или хоть простая шаланда? Если бы хоть что-нибудь осталось, тогда бы и он сумел угостить своих друзей. Ничего не осталось. А этот болван Алтындиш...

Вот если бы не было стыдно и если бы его не обвинял весь квартал... Все в квартале были ему врагами. И из-за чего! Ну да, Айтен помогала ему и любила с ним — им-то какое дело? Сами, небось, на нее зарятся, да руки коротки!..

Очнувшись от дум, Эрл крикнул старому греку:

— Дай-ка хлеба еще кусок!

Погода быстро менялась. Шел поймай⁵. Забелело пенистыми барашками сердитое, взволнованное море. Рыбацкие лодки спешили издалека к берегу, пепельно-темные тучи, беспорядочно клубившиеся в небе, постепенно спускались все ниже. Будет дождь.

Эрл налил в грязный, с затхлым запахом стакан мутно-красного вина.

(Продолжение следует)

⁴ «Турьяг» — фирма, торгующая растительными маслами, техническими жирами и т. д.

⁵ Поймай — северный ветер.

